

УДК 821.161.1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА И КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИЙ

© Александра Дмитриева, Ринат Бекметов

RUSSIAN LITERARY CLASSICS AND THE CONFLICT OF IDEOLOGIES

Aleksandra Dmitrieva, Rinat Bekmetov

The article deals with the problems related to the reading of literary classics and the forms of its current assessment in a modern social environment, both academic and specialized and made by a wide readership. The object of our consideration is Russian classical literature. We believe that, generally speaking, in the post-Soviet Russian society the two main trends have emerged that determine the nature of attitudes towards the verbal and artistic heritage of the past. On the one hand, the inertia of past achievements is gone, and the Russian reading public, as a whole, can no longer be regarded as active, stable and profound. On the other hand, with some improvement of external living conditions, a trend is detected for the growing interest in book and magazine publications. Classic literature occupies a seemingly modest place against this background, compared to the situation a few decades ago. However, today's attempt at its polyvariational interpretation (in scientific and figuratively-creative terms) has become a notable factor of increased attention to classic works. It is most probably here, that the acute conflict exists, sometimes acquiring the features of public ideology confrontation between "the conservatives" and "the liberals". The former occupy a protective cultural position. Classic literature for them is a form of preservation of the national memory, the guiding lines in the meaning of life, the mental code, their expression of worldview and style harmony. The latter perceive a classic text as a field for semantic experiments, bright innovations, a checking of recurrent methodological programs. "The conservatives" blame "the liberals" for their "deconstructive" dismemberment of the classic, for robbing it of every living and organic thing, substituting it with a dead, mechanical basis. "The liberals", in their turn, put the blame on "the conservatives" for sluggishness, for their desire to abandon the multicultural approach and to establish the only correct, monistic view. The interpretation of classics is a part of the general ideological conflict, more precisely, the dialectical struggle, which can be described as a clash between "the old" and "the new" (we use these terms without any evaluative connotation, in their neutral meaning). The truth is most likely to be in between, like in ancient tragedies, when each of the major arguing parties is both right and wrong. Hence, a possible way to overcome the emerged dissonance is to let "the conflicting sides" hear each other by displaying their best psychological properties. Otherwise, the classics will be replaced with a one-sided idea of interpretation (irrespective of the source of origin), when instead of a genuine interest in the past, society might experience a sense of detachment and fatigue.

Keywords: Russian literature, interpretation, conflict of opinions, social environment, ideology, classical text.

Статья посвящена проблемам прочтения литературно-художественной классики и формам ее актуальной оценки в современной социальной среде – как научно-специализированной, так и связанной с широкой читательской аудиторией. Объектом рассмотрения стала русская классическая литература. Авторы статьи полагают, что в постсоветском российском социуме наметились, говоря обобщенно, две основные тенденции, определяющие характер отношения к словесно-художественному наследию прошлого. С одной стороны, ушла инерция былых достижений и российская публика в целом перестала быть активно, устойчиво и глубоко читающей. С другой – при некотором улучшении внешних условий жизни обнаружился тренд к более заинтересованному охвату книжной и журнальной продукции. Классика на этом фоне занимает весьма скромное место, если сравнивать с тем, что было несколько десятилетий назад. Однако заметным фактором усиления внимания к ней является сегодня попытка ее поливариативной интерпретации (научной и творчески-образной). Именно здесь, как думается, пролегал достаточно острый конфликт, приобретающий порой черты общественно-идеологического противостояния между «консерваторами» («почвенниками») и «либералами» («западниками»). Конфликт этот имеет давнюю историю. Первые занимают охранительную культурную позицию. Классика для них – форма сохранения национальной памяти, смысложизненных ориентиров, ментального кода, выражение мировоззренческой и стилевой гармонии. Вторые воспринимают классический текст как поле для семантических экспериментов, ярких новаций, проверки очередных методологических программ. «Консервато-

ры» упрекают «либералов» в «деконструктивном» расчленении классического, в изъятии из него живого, органического элемента, в подмене его мертвым, механическим началом. «Либералы», в свою очередь, ставят в вину «консерваторам» косность, желание отказаться от поликультурного подхода и установить единственно правильный, монистический взгляд. Трактовка классики является частью общего идеологического противоборства, еще точнее – той диалектической борьбы, которую можно обозначить как столкновение «старого» и «нового» (эти термины мы употребляем без всякой оценочности, в нейтральном значении). Истина, по всей видимости, лежит посередине, как в античной трагедии, когда каждая из ведущих спор сторон и права, и неправы одновременно. Отсюда – возможный способ преодоления возникшего «диссонанса» заключается в том, чтобы «конфликтующие» услышали друга друга, проявив лучшие психологические свойства. В противном случае классику заменит однобокая идейная интерпретация (независимо от источников происхождения), и вместо подлинного интереса к прошлому в обществе возникнет чувство отстранения и усталости.

Ключевые слова: русская литература, интерпретация, конфликт мнений, социальная среда, идеология, классический текст.

Литературно-художественная классика почти во все времена – предмет бесконечных и острых дискуссий. Есть все основания считать, что спор о словесном наследии прошлого – неотъемлемая часть любой национальной культуры. В этом, если подумать, нет ничего удивительного, ибо нередко из всех видов искусств именно литература в наиболее полном виде воплощает представление об универсальном в ярких этнических «одеждах», именно литература зачастую выступает хранителем духа породившего ее народа. Известен, к примеру, тот факт, что, когда Соединенные Штаты Америки в начале XIX века энергично освобождались от колониальной традиции и закладывали собственную, только американская литература тех лет и могла по-настоящему стать выразительницей новых национальных устремлений. По меткому определению Ю. В. Ковалева, «литература возглавила культурную эмансипацию Америки, увлекая за собой искусства и науки, существенные для становления национального самосознания» [Ковалев, с. 10]. Литература как форма «культурной эмансипации» – лучше, пожалуй, и сказать нельзя! Ведь «эмансипация» в данном случае – это залог органичного роста, гарантия того, что культура взродеет, уходит от простого подражательства и, не разрывая связи с «почвой», раскрывает себя в пышном цвете, чтобы внести выстраданное и понятное в существующее пространство смыслов. Не будет грубой ошибкой предположить, что мир был бы иным, если бы по каким-то причинам американская литература (с плеядой крупных писателей и поэтов) не состоялась. Какой-то краски на огромном полотне живописца явно не хватало бы...

Все это в той или иной степени относимо и к русской культуре и искусству.

Русская культура логоцентрична. Это значит, что главным ее «ядром» является слово. Образное слово в России всегда было окружено почте-

нием, а литература, полновесно его отражавшая, закономерно именовалась «нравственным богословием» (термин В. Н. Ильина, см.: [Лосская-Семон]). Учтем и то важное обстоятельство, что по крайней мере с XVIII века русская литература совмещала множественные и разнородные функции, подчиняя художественность задачам текущей общественной жизни. В этом плане она была рупором не только эстетических, но прежде всего социально-философских, политико-экономических, этико-правовых идей. Она являла пример большого синтетического стиля и жанровой многогранности, благодаря чему, кстати, ее трудно интерпретировать¹. В ней соеди-

¹ А. Щербенек, ссылаясь на работы видных американских литературоведов-славистов, писал, что «на фоне западных литератур русская литература традиционно воспринимается как литература аномальная» [Щербенек, с. 7]. Действительно, с западноевропейских поэтологических позиций «Евгений Онегин» – поэма байронического типа, а не «роман в стихах», «Мертвые души» – обычный плутовской роман, а не «поэма», «Преступление и наказание» – уголовно-детективная хроника, а не «полифонический роман» (по М. М. Бахтину) с яркой философской основой, «Война и мир» – роман на историческую тему, а не «то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось» (по словам Л. Н. Толстого). Удивительна расплывчатость толстовской дефиниции! В отрыве от контекста мы вправе применить ее почти к любому русскому произведению. Характерен и такой пример, который мы встречаем в давней статье о творчестве М. М. Пришвина: «Произведения М. Пришвина не укладываются в привычные рамки одного жанра... В процессе работы над „Осударевой дорогой“ Пришвин называл ее былиной, педагогической поэмой, исторической повестью, исторической сказкой и, наконец, романом-сказкой» [Давшан, с. 13]. Свои лирические миниатюры он называл «коротышками» – выразительно, емко, метафорично и... несколько туманно с рациональной точки зрения, а А. С. Солженицын свои – «крохотками», пренебрегая, каза-

нялся интерес к вечному и преходящему, высокому идеалу и земным формам его осуществления.

Сегодня русская классическая литература переживает довольно сложный период социальной рецепции.

Еще недавно, в советскую эпоху, она была объектом всеобщего читательского внимания со всеми возможными издержками, среди которых – крайне идеологизированная, тенденциозная трактовка ее центральных сюжетов и картин. Существовал школьный канон, и придерживаться сложившихся толкований вменялось в обязанность. В практическом отношении это приводило к скрытому, латентно протекающему конфликту, когда на уроках литературы талантливый ученик не мог высказать альтернативного мнения, а если он его имел и, более того, доказательно артикулировал в творческом сочинении (чрезвычайно популярном и полезном жанре школьного литературоведения того времени), это влияло на то, какую отметку учитель ставил ему в дневник – дисциплинирующий вид ученического документа. Был несомненный диктат, основанный не только на авторитете учителя и школы. Культура вообще рассматривалась тогда в качестве системы «положительного угнетения», и надо признать, что объективно это не всегда плохо. В-первых, культура как конденсация исторического опыта поколений задает сущностные ориентиры, к которым нужно стремиться, прикладывая усилия и раскрывая заложенный духовный потенциал. Во-вторых, в условиях массового обучения мягкое (подчеркнем!) культурное «принуждение» служило средством широкого просве-

лось бы, удобным и устоявшимся термином «стихотворение в прозе». У последнего «Архипелаг ГУЛАГ» – не документальный роман с нитью биографического рассказа, а «опыт художественного исследования», и «Красное Колесо» – не роман-эпопея, а «повествование в отмеренных сроках». Русского писателя не может удовлетворить норма, он ищет и находит возможности ее расширения, преодоления, коренного разрыва с ней. В этом, вероятно, проявляется тот тип мышления, который сформировался в равнинном пространстве, если считать, что национальное сознание опосредованно отражает «вмещающий этнос и кормящий его ландшафт» (Л. Н. Гумилев). Ведь равнина беспредельна, безгранична, в ней господствует вечная открытость, распахнутость «всем ветрам» и, как следствие, отсутствуют налаженные, кристаллизованные, отчеканенные временем формы бытия. В ней каждый человек – хозяин самому себе, «норма-в-себе», что не отменяет чувства коллективной ответственности. Архетип лихого, безудержного «всадника» дополняется тут архетипом старательного, законопослушного «землепашца».

Конечно, можно в духе современных западноевропейских философов говорить о том, что «школа», наряду с «тюрьмой» или «больницей», была и остается узаконенным институтом подавления воли, овеществленным аппаратом репрессий, тем заслоном, который жестко ограничивает природу бессознательного в человеке. Принимая во внимание их глубокие аргументы, следовало бы, однако, помнить, что резкий отказ от культуры как структурированного единства, по-гречески – «космоса», несет в себе печать анархии, хаоса, произвола, и суть ситуации заключается лишь в поиске равновесия, когда расплывающаяся свобода находит в себе силы для твердого морального саморегулирования. Разумеется, факт наличия культурной атмосферы – не панацея от всех бед. Нет прямой зависимости между человеком и внешней обстановкой, поэтому по-своему был прав М. К. Мамардашвили, объяснявший, что «человек есть существо... в той мере, в какой он самосозидается» [Мамардашвили, с. 16]. Однако очевидно и другое: чтобы «самосозидаться», мы должны обладать каким-то минимальным набором исходных представлений, а они не возникают сами по себе, они формируются, приобретаются, аккумулируются, как стартовая площадка для взлета; без них не обойтись.

В постсоветскую эпоху открылись шлюзы политической и гражданской свободы, и от «одномерных» трактовок решительно отказались. Взамен единому взгляду на литературные произведения сложился поливариативный подход. Его лозунгом была идея создания критически мыслящего субъекта, проверявшего в диалоге точку зрения оппонента, а не бравшего ее на веру. Но и этот подход тоже включал крайности, когда текст субъективной интерпретации был настолько пластичен в оценках, что – иногда самопроизвольно – искажал классику. Интерпретация становилась первичнее искомого произведения. С теоретико-методологической позиции это обосновывалось концепцией «смерти автора», которую предложил Р. Барт, французский литературовед. Он утверждал, что идея писателя как «священного носителя высших ценностей» является мифом. Текст создается языком как знаковой системой, автор же выступает его орудием. Отсюда – значительную роль в формировании смыслов словесно-художественного целого играет активный читатель. Сколько читателей – столько и толкований, читатель – равноправный соавтор произведения, без него литературы нет (в конце концов, для какого она написана, если не для читателя?) [Барт].

Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы соотнести две стратегии чтения, преодолев губительные расхождения и найдя оптимальную модель. Казалось бы, это логично: снять противоречия, зафиксировав предварительно область взаимных пересечений. Поставленный вопрос, однако, осложняется тем, что русская литературная классика – не кантовская «вещь-в-себе», не тот объект, который возник вследствие редукции. Она, как нам представляется, вовлечена в противостояние идеологических систем и используется ими по необходимости. Одна из них, «традиционалистская», или «консервативная», исповедует взгляд, согласно которому русская литература – едва ли не синоним «почвеннических» устоев, ориентированных на православную, «отцами завещанную» веру. В таком плане А. С. Пушкин, несмотря на вольнодумство, – религиозный пророк, вещатель безусловных истин, и только. Другая, «либеральная», или «западническая», утверждает приоритет вольного обращения с прошлым, и А. С. Пушкин для нее – поэт разноплановый, не замыкающийся одной доминантной чертой, многогранный. Повидимому, не стоит преувеличивать это вхождение литературы в сферу идеологического, но учитывать связи надо.

Встают вполне оправданные вопросы: как читать классику? нужно ли в процессе чтения раскрывать общественно-идеологические моменты? в какой степени они влияют на интерпретацию? важны ли новые термины для понимания классической литературы и искусства? преодолим ли в принципе конфликт идеологий?

Попробуем на них ответить с осознанием того, что, во-первых, сформулированные вопросы нельзя отнести к разряду простых и что, во-вторых, обсуждение затронутого комплекса тем требует значительно большего объема, мы же в этом ограничены. И еще следовало бы пояснить, что метод, которым мы руководствуемся, анализируя литературные и окололитературные явления, – системно-комплексный, сочетающий отдельные научные приемы. Наибольшей ценностью среди них в конкретном случае обладают два: историко-культурный и описательно-социологический. Сущность первого сводится к учету исторического и культурного контекстов, поскольку ни один феномен бытия не существует без связи с прошлым (диахроническая вертикаль) и настоящим (синхроническая горизонталь). Использование этого приема позволяет увидеть факт во внутренней эволюции и – самое главное – в динамике внешних контактов. Литература – естественная часть культуры, а личность ее интерпретатора вызре-

вает под воздействием факторов среды (воспитание, интеллектуальное развитие, эмоциональные предпочтения, религиозная вера). Что касается второго приема, то он основан на разборе социальных объектов в их хронологическом срезе. Многие наработки описательной, вернее – «логической», социологии взяты нами из трудов А. А. Зиновьева (см.: [Зиновьев, 2008]; [Зиновьев, 2014]). По его суждению, изучая социальный объект («сложный, многосторонний, дифференцированный, изменчивый» [Зиновьев, 2008, с. 56]), невозможно отразить все его свойства: что-то приходится оставлять без внимания. Кроме того, некоторые свойства объекта имеют не принципиальное значение, а значит, ими можно без ущерба пренебречь. Важно охватить феномен в целостном измерении, чтобы открыть суть, нечто неизменное, застывшее, инвариантное.

Итак, считается, что Россия советского периода была самой читающей страной в мире. Точных социологических исследований, подтверждающих этот факт, нет, однако он вытекает из тех обширных государственных преобразований, которые ускоренно осуществляла новая власть, и среди них – политика ликвидации безграмотности (бесплатное обязательное школьное образование стало «визитной карточкой» этого процесса). Прочно утвердился культ книги – не только русской, но и мировой, в переводах. А. А. Зиновьев не случайно говорил о себе и своем поколении:

Вся квартира заполнена книгами. Книги везде, даже в коридоре и туалете. Это было типично для среднего российского интеллигента... По общему признанию, русские тратили на книги в процентах к доходу больше денег, чем другие народы мира. Книга была для нас божеством [Зиновьев 2014, с. 13].

Бытовало убеждение, что тот, кто собирает книги (хорошая книга была дефицитом и приравнивалась к дорогому товару) ради нее самой или, хуже того, для примитивного украшения квартиры, а не для чтения, – обычный, ничем не примечательный «мещанин», человек низких душевных запросов. Знаменитые отечественные филологи делились опытом того, как правильно составлять домашнюю библиотеку (свои советы в популярном стиле излагал акад. Д. С. Лихачев). Вместе с тем неслыханный интерес к книге сопровождался, как мы отмечали, интерпретационным монизмом, соответствовавшим марксистскому пониманию общественно-политической реальности.

В постсоветский период, повторимся, произошла переоценка былых шедевров. Недавние герои были «сброшены с парохода современно-

сти», но в интеллектуальном сообществе это вызвало противоречивую реакцию. С одной стороны, образовался консенсус в отношении тех писателей, которым покровительствовала власть; они либо полностью (как А. А. Фадеев), либо частично, с оговорками (как А. П. Гайдар), ушли из школьных программ и хрестоматий. Их места заняла так называемая возвращенная литература (И. С. Шмелев, В. В. Набоков, многое из позднего И. А. Бунина и М. Горького). С другой стороны, были писатели, чье творчество истолковывалось неоднозначно. Среди них, к примеру, – Н. Г. Чернышевский, автор романа «Что делать?». Долгое время он оценивался позитивно, поскольку одним из главных его почитателей был В. И. Ленин (признававшийся в частной беседе, что роман о новых людях его «всего глубоко перепахал»), а потом сочли, что текст писателя как аллегорическое изображение социалистической утопии не соответствует духу либерального времени. Тем не менее по прошествии нескольких лет автор и его роман возвратились на полку: в романе нашли нечто вневременное. В самом деле, Н. Г. Чернышевский полагал, что изменить человека в лучшую сторону можно, исправив условия его существования, сделав их «худобными» для проявления светлых качеств. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой ратовали за нравственное самосовершенствование вопреки внешним преградам. Но ведь одно дополняет другое!²

² Укажем в этой связи на один факт. В одной из студенческих групп Казанского федерального университета мы провели мини-опрос. Естественно, он не презентативен, но все же дает обзор локальной ситуации со стороны общих тенденций. В ходе эвристической беседы мы задали вопрос, каких русских писателей XIX века предпочитают студенты второго курса, изучающие испанский язык, и почему. Группа разделилась на две части. Одна часть утверждала, что им ближе Ф. М. Достоевский как человек, гениально отразивший «почвенные» грани русского национального сознания. Ф. М. Достоевский темен, загадочен, странен, и именно этим он способен заинтересовать мыслящего читателя. Другая часть выбрала Н. Г. Чернышевского, объяснив это тем, что данный писатель кажется им более современным, чем принято думать. Как видим, сугубо механическое изъятие Н. Г. Чернышевского из школьной программы не имело под собой веских мотивов: новейшее поколение (пусть и филологическое) о нем знает, его помнит. Изъятие Н. Г. Чернышевского из учебного канона, скорее, было данью моде, поспешностью, а кроме того, действовал закон пресыщения: о писателе рассказывалось так много и часто, что от него, как от кислого винограда, набили оскомину и при первой возможности постарались «избавиться». Но Н. Г. Чернышевский, как пока-

Примерно так же обстоит дело с Н. А. Некрасовым, и не только в рамках средней школы. Еще вчера казалось, что ракурсы его литературоведческого освещения исчерпаны: «поэт гражданского долга», «аккуратно выверенное письмо», «„прозаизация“ лирического слога» – все это являлось продолжением и завершением одной из пушкинских линий развития русской поэтической культуры. Сегодня, хоть и изредка, появляются работы, дающие импульс для более широкого, нетривиального понимания некрасовских текстов, вне идеологических штампов. В этом понимании выкристаллизовывается образ человека, затрагивавшего экзистенциальную тематику, но не отвлеченную, не оторванную от действительности, а как бы растворенную в ворохе болезненных социальных проблем. И творчество Н. А. Некрасова уже выглядит иначе – панорамнее, динамичнее, с узорами философско-антропологического рисунка.

Тем не менее, обозревая картину целиком, многие социологи чтения констатируют, что духовно-поисковый тип коммуникации новейшего поколения с русской классикой угас. Винят пресловутое ЕГЭ, сетуют на сокращение учебных часов, жалуются на то, что визуальные способы передачи информации попирают печатные, и потому экранный формат словесного произведения (всего лишь трактовка с помощью другого вида искусства) усваивается много раньше книжного, ссылаются на бешеный темп жизни, провоцирующий «коллажность» мышления, и отсутствие времени для спокойного, всестороннего анализа – всего не перечислить (все это – знаки либерального курса страны!). В то же время отдельные исследователи, имея на руках выкладки «местного значения», замечают, что отождествление русской классики с «настоящей» литературой, как ни странно, сохраняется [Борусяк]. Речь идет о ценностных нормах, о том, что русская классическая литература воспринимается в качестве образца нравственного и художественного совершенства. Объяснить это можно не только «эффективным внушением школы», как

зал опрос, не оставляет равнодушным и читателей «консервативного» направления, и читателей «либеральной» волны. Первым он важен в качестве творца грандиозной утопии, о которой мечтают, даже если эксперимент оборачивается катастрофой (природа человека неизменна, как неизменен запрос на элементарную общественную справедливость). Вторым он интересен как создатель героя нового типа, революционера Рахметова, подчиняющего жизнь сознательным импульсам, разумному и волевому напряжению (аналог популярного «self-made-man»а, букв. «человека, который делает себя сам»).

пишет Л. Борусяк, но и глубинной логоцентричностью российского человека, что бы о нем ни говорили и что бы сам о себе он ни думал.

Постсоветская эпоха как культурный текст в своем развитии опирается на философию западного постмодерна, согласно которому мир отнюдь не монолитен, а как бы соткан из различных лоскутков. Реализация этой философской установки – в многочисленных попытках свободного прочтения русской классики. Из простых примеров – деконструктивный разбор рассказа И. С. Тургенева «Муму» с внедрением фрейдистского метода интерпретации (см.: [Колотаев]). Фрейдизм – интересная теория с трудной судьбой в России. Внедряя его в меру, исследователи получают любопытные, стимулирующие мысль результаты. Однако, когда он обретает силу безраздельного господства, когда, по сути, все многообразие литературы сводит к одной редуцирующей величине, даже в кругах сочувствующих читателей растет скепсис. Кратко его можно определить так: разве вправе мы переносить в тексты прошлого современный понятийный аппарат? есть ли границы таким переходам? Не обремененная строгим академизмом публика объясняет необходимость обращения к новой теории веяниями времени: ни один ученый не в состоянии преодолеть границы, задаваемые эпохой. Подобный ответ мало что проясняет; наоборот – лишь усиливает конфликт, с особенной наглядностью проявляющийся в сфере актуальной живописи (возьмем ее для простоты, хотя формально она – не наука), когда вместо образа Христа на святой иконе демонстрируется анимационный герой. Конфликт в искусстве превращается в противоборство мировоззрений, переходящее в цепь подчас опасных действий с далеко идущими последствиями.

Подчеркнем, что, хотя конфликт искусства и социума вечен, задача интерпретатора – искать точки потенциального соприкосновения³. Так,

³ В чисто идеологической сфере, как кажется, это невозможно, ибо развитые идеологии в значительной мере – продукты суперэтнических систем, пребывающих, по учению Л. Н. Гумилева, на разных этапах, или уровнях, пассионарного напряжения. Западный суперэтнос в том виде, в каком мы его знаем, сложился примерно на пять столетий раньше российского. Поэтому «наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения» [Гумилев, с. 364]. Речь может идти только о том, чтобы изучить чужой опыт, понять те фундаментальные основания, на которых он зиждется (и это, к слову, говорит в пользу того, что нельзя сопоставлять единичные факты в отрыве от целостной системы, из которой они вышли). Сказанное совсем не означает, что

можно пояснить, что классический литературный текст не ограничен пределами исторической эпохи. Он неизбежно выходит за его рамки; в противном случае это не классика, а банальный артефакт. Значит, классический текст мы можем прочесть в новом терминологическом ключе, соблюдая при этом «золотую середину», не порывая с тем, что уже достигнуто, скорее, надстраивая новое над старым подобно тому, как умные голландские архитекторы бережно возводят в Амстердаме современный торговый центр из металла и стекла над крохотной кирпичной постройкой средневекового периода. Принципиальным моментом, отличающим либеральную игру от серьезного рассмотрения классического, будет внутренняя возможность интерпретатора нести этическую ответственность за произносимое и напечатанное слово. При таком условии комплементарность, пусть в ничтожной степени, достижима.

Тема, затронутая нами, требует обсуждения. Мы привели небольшое количество примеров, доказывающих наличие в охарактеризованной проблеме методологической остроты. Литературная классика, как выясняется, не принадлежит исключительно категории эстетического. Она до известных пределов идеологична, будучи связанной множеством видимых и невидимых нитей с пульсирующей жизнью. Она не молчаливый музейный раритет, хранящийся в пыли комнат, а носитель конфликтного начала. Правильно, без разрывов времен, его преодолеть – филологическая цель, которая должна быть востребованной там, где спор двух идеологических систем имеет длительную и непростую историю. Уход от бинарности мышления («либо все, либо ничего», «моя правда сильнее правды другого») позволит воспринять литературу в цветущей полноте, в преемственности поколенческих связей и традиций.

Работа выполнена при поддержке АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0».

Список литературы

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с франц. М.: Прогресс, 1989. С. 419–422.

российский суперэтнос хуже или лучше западного. Он просто иной, и эта «инаковость» постоянно и сущностно будет напоминать о себе. В области эстетического поиск общего все-таки возможен, поскольку подлинная красота пробивает брешь временного, сиюминутного, и многообразие объяснительных подходов ее обогащает, служит ей.

Борусьяк Л. Устаревшая ценность. URL: <http://www.trv-science.ru/2016/05/17/ustarevshaya-cennost/> (дата обращения: 10.07.2016).

Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Комсомольская правда, Директ-Медиа, 2015. 368 с.

Давшан А. Н. Жанровое своеобразие творчества М. Пришвина // По страницам литературы: сб. науч. трудов № 571. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1978. С. 13–22.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 768 с.

Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2014. 464 с.

Ковалев Ю. В. «Эдем мечтаний и сновидений» // По Э. Ворон: стихотворения и поэмы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 5–47.

Колотаев В. А. Герасим по ту сторону принципа удовольствия, или коллапс теории символизма // Колотаев В. А. Поэтика деструктивного эроса. М.: Аграф, 2001. С. 319–356.

Лосская-Семон М. В. Несколько замечаний по поводу религиозного призвания русской литературы // Русская литература. 1995. № 1. С. 27–34.

Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.

Щербенек А. Деконструкция и классическая русская литература: от риторики текста к риторике истории. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 232 с.

References

Bart, R. (1989). *Smert avtora* [Author's Death] // Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika / per. s frants. [Selected Works. Semiotics. Poetics / translated from French]*. Pp. 419–422. Moscow: Progress. (In Russian)

Borusiak, L. *Ustarevshaja tsennost* [An Outdated Value] // URL: <http://www.trv-science.ru/2016/05/17/ustarevshaya-cennost/> (accessed: 10.07.2016). (In Russian)

Gumilev, L.N. (2015). *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoj istorii*. [From Rus to Russia: Essays of Ethnic History]. 368 p. Moscow: Komsomol'skaja Pravda, Direkt-Media. (In Russian)

Davshan, A.N. (1978). *Zhanrovoje svoebrazije tvorcestva M. Prishvina* [Genre Originality of M. Prishvin's Oeuvre] // *Po stranitcam literatury: sb. nauch. Trudov*, No. 571. Tashkent: Izd-vo TashGU, pp. 13–22. (In Russian)

Kovaliov, Ju.V. (2016). «*Edem mechtanij i snovidenij*» [“Eden of Fantasies and Dreams”] // По Э. Ворон: *stikhotvorenija i poemy*. Pp. 5–47. St.Petersburg: Azbuka, Azbura-Attikus. (In Russian)

Kolotaev, V.A. (2001). *Gerasim potu storonu print-sipa udovol'stvija, ili kollaps teorii simbolizma* [Gerasim beyond the Principle of Enjoyment, or the Collapse of the Theory of Symbolism] // Kolotaev V.A. *Poetika destruktivnogo erosa* [The Poetics of Destructive Eros]. Pp. 319–356. Moscow: Agraf. (In Russian)

Losskaja-Semon, M.V. (1995). *Neskol'ko zamechanij po povodu religioznogo prizvanija russkoj literatury* [A Few Remarks about the Religious Vocation of Russian Literature] // *Russkaja literature*, No. 1. Pp. 27–34. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. (2002). *Filosofskije chtenija* [Philosophical Readings]. 832 p. St.Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian)

Tcherbenek, A. (2005). *Deonstruktija i russkaja klassicheskaja literature* [Deconstruction and Russian Classic Literature]. 232 p. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije. (In Russian)

Zinoviev, A.A. (2008). *Kommunizm kak realnost: izbrannye sochinenja* [Communism as a Reality: Selected Works]. 768 p. Moscow: Astrel'. (In Russian)

Zinoviev, A.A. (2014). *Russkaja tragedija* [Russian Tragedy]. 464 p. Moscow: Algoritm. (In Russian)

The article was submitted on 07.11.2016
Поступила в редакцию 07.11.2016

Дмитриева Александра Сергеевна,
студентка III курса,
Высшая школа русской
и зарубежной филологии,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
dmitrieva.sasha@yandex.ru

Бекметов Ринат Ферганович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Dmitrieva Aleksandra Sergeevna,
third-year student,
Higher School of Russian
and Foreign Philology,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
dmitrieva.sasha@yandex.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru